

Альберт Летуновский

ТАЙНА ВЛАСТИ

— и —

УСПЕШНОГО
УПЕХА

18+

Альберт Летуновский

Тайна власти и успешного успеха

<https://litres.ru/74689818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Почему одни люди рождаются богатыми и успешными, а другие всю жизнь перебиваются от зарплаты до зарплаты? Почему твой начальник — откровенный самодур, не способный связать двух слов, но он железной рукой держит власть, пока ты, умный, начитанный и интеллигентный специалист, годами молча подчиняешься его воле? Почему одни люди становятся президентами, ведут за собой миллионы и с легкостью ломают чужие судьбы, а другие всю жизнь остаются бесправными статистами?

Содержание

Глава 1. Анатомия тупика	4
Глава 2. Синкретическое «Мы»	8
Глава 3. Первый палач	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Альберт Летуновский

Тайна власти и успешного успеха

Глава 1. Анатомия тупика

Эволюционная формула «труд сделал из обезьяны человека» долгое время оставалась незыблемой догмой советской антропологии, однако палеопсихолог Борис Поршнеv подверг этот тезис жесткой ревизии. Классический марксистский подход постулировал плавный, созидательный и почти гармоничный переход от антропоморфного предка к мыслящему субъекту через изготовление первых каменных рубил. Эта концепция полностью игнорировала глубочайший биологический кризис и драматический разрыв, который образовался на стыке двух эпох. Рука гоминида не могла начать сознательно трудиться и преобразовывать мир, пока ее действиями управлял примитивный, сугубо животный мозг, не прошедший через горнило тотальной психологической ломки.

До того как на арене истории появился первый целенаправленный труд, наши предки прошли через темный, критический период, который Поршнеv охарактеризовал как

адаптивный тупик. На этом этапе эволюции сложилась парадоксальная и смертельно опасная ситуация: древние гоминиды уже безвозвратно утратили естественные биологические способности, навыки и защитные механизмы лесных обезьян, но еще абсолютно не приобрели анатомических и психических качеств, необходимых для полноценной хищной охоты. Они больше не могли эффективно укрываться на деревьях от крупных хищников и ловко перемещаться по кронам в поисках растительной пищи. При этом они оставались физически слабыми, медлительными, лишенными естественных анатомических аналогов когтей и клыков, совершенно неспособными догнать, загнать или убить крупную дичь.

Этот промежуточный период наступил в результате масштабных экологических изменений, сдвига климатических зон и сокращения площади лесов, что буквально вытолкнуло беззащитных приматов в открытую, враждебную саванну. Доказательством существования этой критической фазы служит явный кризис морфологии: ископаемые останки гоминид этого периода демонстрируют развитую двуногость и изменение строения кисти, которые произошли задолго до того, как на стоянках начинают массово появляться первые настоящие орудия охоты и следы контролируемого огня. Биологический вид оказался в ловушке между двумя мирами, лишенный старых адаптивных инструментов и не имеющий новых. Единственным способом выжить для этих су-

ществ стал радикальный и экологически уникальный компромисс — они заняли пустующую нишу и стали специализированными падальщиками.

Главным термином этой эпохи становится **некрофагия**, то есть вынужденное и систематическое трупоядение. В жестких условиях саванны гоминиды не конкурировали со львами или саблезубыми тиграми за свежую добычу, так как были слишком слабы. Они дожидались, пока крупные хищники полностью насытятся и покинут растерзанную тушу, а затем подбирали то, что осталось нетронутым. Неопровержимым доказательством такой специализации служат палеонтологические находки: на костях ископаемых животных того периода отчетливо прослеживается строгая последовательность повреждений. Глубокие царапины и сколы от примитивных каменных орудий гоминид лежат поверх борозд, оставленных зубами крупных хищников. Это прямо доказывает, что предки человека получали доступ к туше последними, когда на ней практически не оставалось мяса.

Объектом их диетического интереса стал костный мозг крупных травоядных животных, надежно запечатанный внутри прочных трубчатых костей, а также головной мозг, скрытый черепной коробкой. До этих высококалорийных ресурсов не могли добраться ни зубы кошачьих, ни клювы птиц-падальщиков. Именно раскалывание тяжелых костей с помощью первых обломков скальной породы и кремня стало подлинным триггером развития человеческой руки, точ-

ной координации движений и целенаправленного применения камней. Регулярное употребление в пищу чистейшего животного белка и жиров, содержащихся в костном мозге, запустило взрывной рост и усложнение головного мозга. Некрофагия сняла романтическую шелуху с процесса антропогенеза, обнажив суровую правду: первый человеческий инструмент был создан не для благородного созидательного труда и не для охоты, а для эффективного вскрытия черепов и костей чужих трупов.

Глава 2. Синкретическое «Мы»

Предки человека выживали в условиях открытой и смертельно опасной саванны исключительно благодаря тому, что жили единым стадом. В этот период первобытной истории не существовало отдельной человеческой личности, индивидуального сознания или персональной воли. Вся популяция функционировала как единый, монолитный синкретический организм, где действовало тотальное ментальное «Мы». Единственной формой существования и передачи опыта в таком коллективе была абсолютная имитация. Каждая особь мгновенно, автоматически и бездумно копировала действия своих сородичей. Стоило одному гоминиду потянуться за камнем или побежать в сторону, как все стадо синхронно повторяло это движение, повинаясь мощнейшему биологическому эху.

Такая тотальная подражательность таила в себе смертельную угрозу: хаотичное, лавинообразное копирование любого случайного действия могло мгновенно парализовать жизнь стада или привести его к гибели. Чтобы контролировать этот разрушительный психомоторный резонанс, эволюция выработала уникальный защитный механизм — ультраторможение. Это был специфический, сильнейший звуковой сигнал, пронзительный крик, который обладал силой абсолютного биологического вето. Любая особь, издав этот особый крик,

могла мгновенно и полностью остановить коллективное действие всего стада, буквально заморозить его участников на месте. Механизм ультраторможения служил главным регулятором стадного гомеостаза, гася опасное возбуждение и предотвращая хаотичные действия популяции.

Внутри этого первобытного коллектива царил абсолютный мир, обусловленный фундаментальным биологическим инстинктом запрета на убийство себе подобных. Мысль о причинении вреда сородичу или намеренном лишении его жизни просто физически не могла зародиться в мозге предка человека, так как стадо не воспринимало себя как набор отдельных существ. Нападение на члена стада приравнивалось бы к нападению на самого себя. Этот жесткий видовой барьер надежно сдерживал внутреннюю агрессию на протяжении сотен тысяч лет, удерживая гоминид в рамках бесконфликтного, чисто оборонительного сосуществования. Однако этот палеолитический Эдем держался лишь на хрупком экологическом балансе, который со временем неизбежно должен был рухнуть.

Конец мирной стадной эпохе положил дикий, затяжной голод, вызванный очередным резким изменением климата, высыханием водоемов и тотальным исчезновением привычной кормовой базы падальщиков. Обостренная нехватка ресурсов довела уровень стресса в популяции до критического предела. Физиологическое истощение и невыносимое нервное напряжение спровоцировали тяжелейший сбой в работе

мозга одной из наиболее агрессивных и сильных особей стада. Животные инстинкты самосохранения и голода вошли в прямое противоречие с тормозными механизмами. В этот переломный момент древний биологический запрет на убийство сородичей был необратимо взломан — особь, охваченная безумием и голодом, совершила первое в истории человечества внутривидовое убийство.

Глава 3. Первый палач

Первое внутривидовое убийство навсегда раскололо монолит палеолитического стада, породив феномен, которого до этого момента не знала живая природа. Преодолев биологический запрет, первый убийца своим беспрецедентным поступком зародил у всего коллектива первобытный, парализующий страх. Это не был обычный страх перед внешней угрозой вроде хищного зверя или грозы. Стадо столкнулось с абсолютным хаосом — угрозой, исходящей изнутри единого «Мы». Ранее беззаботные гоминиды впервые ощутили собственную уязвимость перед сородичем, что навсегда разрушило прежний синкретизм и запустило процесс глубокой психологической дифференциации популяции.

В момент нападения на очередную жертву убийца применил уникальное ментальное оружие, перевернув эволюционный защитный механизм стада. Он использовал звуковой сигнал, функционально подобный ультраторможению, однако вывернул его действие наизнанку. Это парализующее ментальное воздействие Поршневу определил как интердикцию — насильственный приказ, полностью ломающий волю объекта. Крик, который раньше служил спасительным стопором для защиты коллектива, в устах убийцы превратился в инструмент абсолютного подавления. Жертва слышала этот вывернутый сигнал и физически не могла защищаться или

атаковать в ответ; ее нервная система мгновенно впадала в ступор, полностью подчиняясь воле агрессора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.